

**Н. Я. Данилевский**

**Сборник политических и  
экономических статей**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 101  
ББК 87  
Н11

Н11 **Н. Я. Данилевский**  
Сборник политических и экономических статей / Н. Я. Данилевский – М.:  
Книга по Требованию, 2021. – 684 с.

**ISBN 978-5-458-05543-7**

Страховым собраны статьи, опубликованные Данилевским при жизни в малотиражных изданиях. Первая часть сборника развивает положения основной работы Данилевского "Россия и Европа". Во второй части помещены статьи по вопросам народного хозяйства и финансовой политики российского правительства.

**ISBN 978-5-458-05543-7**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



тамъ, въ Петербургѣ, на виду, въ большихъ дѣлахъ. „Да что тамъ дѣлать?“ задумчиво и медленно спросилъ онъ. „Какъ что?“ отвѣчалъ я шутя, — „законодательствовать! „Мы тамъ всѣ законодательствуемъ“. — „Видите ли“, возразилъ онъ, „это законодательство — слова, а война съ филлоксерой — дѣло, настоящее дѣло“.

---

Всѣ политическія статьи напечатаны здѣсь въ исправленномъ видѣ; текстъ ихъ былъ провѣренъ по рукописямъ, такъ что внесены мѣста, пропущенныя при первомъ печатаніи, и восстановлены первоначальныя заглавія, напр. *Горе побѣдителямъ*. Статьи экономическаго отдѣла напечатаны согласно съ тѣмъ, какъ онѣ въ первый разъ явились въ печати. Мѣсто ихъ появленія читатели найдутъ въ *Библиографическомъ спискѣ*, помѣщенномъ въ концѣ книги и приведенномъ въ гораздо большую исправность, чѣмъ прежніе списки. Статья *О мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія* и пр. является въ ея оффиціальномъ видѣ и говоритъ отъ лица Министерства; но она принадлежитъ цѣликомъ Николаю Яковлевичу, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже встрѣчается слово *я*, оставшееся отъ первоначальной редакціи.

Къ сожалѣнію, мы не успѣли избѣжать нѣкоторыхъ досадныхъ опечатокъ. Просимъ читателей обратить вниманіе на ихъ списокъ

**Н. Страховъ.**

5 Декабря  
1889 г.



# ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

## І.

### РОССІЯ И ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА.

(Дополненіе къ книгѣ «Россія и Европа»).

(*Заря*, 1871, янв.).

Существеннѣйшее содержаніе длиннаго ряда статей, помѣщенныхъ въ „Зарѣ“ за 1869 годъ, подъ заглавіемъ „Россія и Европа“, — не политическаго, а преимущественно историко-философскаго свойства. Тѣмъ не менѣе, однако же, въ нихъ приходилось разсматривать и вопросы чисто политическіе, оцѣнивать нѣкоторыя явленія политической жизни Европы въ ихъ отношеніи къ Россіи и Славянству—и, какъ бываетъ необходимо при разсматриваніи вопросовъ близкаго прошедшаго и настоящаго,—высказывать предположенія о будущемъ направленіи событій. Но вотъ совершаются на Западѣ событія первостепенной важности, которыя не могутъ оставаться безъ огромнаго вліянія на судьбы Славянства и Россіи. О вѣроятномъ характерѣ этого вліянія считаемъ себя такъ-сказать обязанными изложить наши мысли, ибо безъ этого весь взглядъ нашъ на политическія отношенія Россіи къ Европѣ долженъ бы показаться не полнымъ, потерявшимъ всякое современное значеніе, хотя собственно говоря ни въ чемъ существенномъ онъ не измѣняется. „Безъ ненависти и безъ любви“, говорили мы, „равнодушные и къ красному и къ бѣлому, къ демагогіи и къ деспотизму, къ легитимизму и къ революціи, къ *Нѣмцамъ*, къ *Французамъ*, къ Англичанамъ, къ Итальянцамъ, къ *Наполеону*, *Бисмарку*, *Гладстону*, *Гарибальди*,—мы вѣрный другъ и союзникъ тому, кто хочетъ и можетъ содѣйствовать нашей единственной и неизмѣнной цѣли. Если цѣною нашего союза и дружбы мы дѣлаемъ шагъ впередъ къ освобожденію и объединенію Славянства, приближаемъ

ся въ Цареграду, — не совершенно ли намъ все равно: купятся ли этою цѣною: Египеть—Франціей или Англійей, Рейнская граница—Французами, или Вогезская—Нѣмцами, Бельгія—Наполеономъ, или Голландія—Бисмаркомъ?“ \*) Вотъ единственная точка зрѣнія, съ которой, по нашему мнѣнію, должны мы смотрѣть на политическую борьбу европейскихъ государствъ вообще, а слѣдовательно и на настоящую борьбу Франціи съ Пруссіей.

Воспользовались ли мы настоящимъ случаемъ, когда дружба наша была такъ нужна Пруссіи, — ибо что бы стали дѣлать Пруссаки, если бы Россія, поставивъ 300,000 или 400,000 войска на границѣ Пруссіи, сказала стой нѣмецкимъ побѣдамъ? — приблизились ли мы къ достиженію нашихъ народныхъ цѣлей; не упустили ли и этого случая, — этого никто не зналъ до послѣдняго времени; но циркуляръ князя Горчакова успокоилъ всѣ опасенія, удовлетворилъ всѣмъ надеждамъ. Каковъ бы ни былъ результатъ франко-германской распри, — для насъ не осталась она безплодною, мы воспользовались ею, чтобы сбросить съ себя тѣ унижительныя ограниченія, которыми насъ опутали несправедливость и ненависть Европы. Циркуляръ князя Горчакова есть великое національное торжество, и не столько по непосредственно достигаемымъ имъ результатамъ, сколько по его великолѣпной, духъ возвышающей формѣ, и еще потому, что онъ составляетъ залогъ того, что наша политика перестала заботиться о томъ, „что скажетъ княгиня Марья Александровна“, что она и впредь будетъ имѣть въ виду свои особыя русскія цѣли, которыя будутъ стоять для нея выше всего, и на всѣ остальныя событія міра, какъ бы ни были они сами по себѣ важны, будетъ смотрѣть какъ на побочныя обстоятельства, благопріятствующія или нѣтъ достиженію нашихъ, якобы своекорыстныхъ, цѣлей, а не поступаться ими какъ несвоевременными въ виду великихъ такъ называемыхъ общеевропейскихъ столкновеній и замѣшательствъ. Съ дней Екатерины Великой, когда она пользовалась замѣшательствомъ, производимымъ французскою революціею, для того чтобы докончить возвращеніе русскихъ земель изъ-подъ польскаго ига, мы не видали еще подобнаго примѣра, мы не умѣли, или не хотѣли, пользоваться ни честолюбіемъ Наполеона I, ни смутами 1848 года для достиженія своихъ особыхъ, русскихъ и славянскихъ цѣлей; и потому, нельзя не видѣть огромнаго шага впе-

\*) *Россія и Европа*, изд. 4-е, стр. 481, 482.

редь въ томъ, что захотѣли и съумѣли воспользоваться честолюбіемъ Пруссіи и Бисмарка. Былъ ли этотъ шагъ результатомъ предварительнаго соглашенія съ геніальнымъ руководителемъ Прусской политики, или это сюрпризъ и для него, на который онъ принужденъ дѣлать *bonne mine à mauvais jeu*—сущность дѣла отъ этого не измѣняется. Но оставимъ это блистательное дѣйствіе русской политики и обратимся къ разсмотрѣнію, какое отношеніе имѣютъ настоящія событія сами по себѣ, по необходимой силѣ вещей, помимо всякаго съ нашей стороны содѣйствія или поротиводѣйствія, къ тому, что составляетъ настоящую политическую задачу Россіи. Ибо, какъ мы уже говорили, хотимъ ли мы или не хотимъ, а за разрѣшеніе ея придется принятъ, по нашему ли почину, или слѣдуя непреоборимому историческому потоку.

Но прежде бросимъ безотносительный взглядъ на дѣйствія Пруссіи, потому что въ этомъ отношеніи высказывается, по нашему мнѣнію, много невѣрнаго и несправедливаго смотрящими съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны сыплются на Пруссію и на руководителя ея политики самые разнообразныя укоры; даже воинственный и политическій энтузіазмъ Нѣмцевъ оуждается, какъ нѣчто недостойное этой велемудрой націи. Громко и откровенно выражаемое ею желаніе возобновить Германскую имперію славныхъ временъ Гогенштауфеновъ служить текстомъ для нападеній и порицаній разыгравшагося нѣмецкаго патріотизма. Не питая ни малѣйшей симпатіи ни къ Германіи вообще, ни къ Пруссіи въ частности, ибо, сообразно указаніямъ исторіи, видимъ въ нихъ главныхъ и прямыхъ враговъ Славянства, мы думаемъ однако же, что безпристрастіе не позволяетъ раздѣлять этихъ порицаній. Дѣйствія Пруссіи и Бисмарка заслуживаютъ удивленія и подражанія, ибо цѣль ихъ, объединеніе нѣмецкаго племени въ одно сильное политическое цѣлое, — и законна и справедлива, и сообразна съ главнымъ токомъ историческихъ событій XIX столѣтія, направляющимъ всѣ великія народныя движенія къ цѣлямъ національнымъ, какъ было нами показано и доказано въ своемъ мѣстѣ. Неужели гнѣваться на нѣмцевъ за то, что они смѣло и ловко ведутъ свое историческое дѣло? По нашему мнѣнію, въ общихъ чертахъ и Пруссія и Бисмаркъ не заслуживаютъ ничего другаго, кромѣ удивленія и подражанія. Въ одномъ только отношеніи дѣйствія Пруссаковъ возбуждаютъ справедливое негодованіе — это ихъ варварскій способъ веденія войны, организо-

ванный грабежъ городовъ и сель для доставленія тевтонскимъ войнамъ не необходимаго только пропитанія, а сигаръ и шампанскаго, сожженіе дѣльныхъ селеній съ женщинами и дѣтьми, разстрѣливаніе взявшихся за оружіе для защиты своего отечества. Эти дѣйствія вполне оправдываютъ данное пруссакамъ Герценомъ прозваніе ученыхъ варваровъ. Насъ впрочемъ это нисколько и не удивляетъ и кажется совершенно въ порядкѣ вещей, мы ничего другаго и не ожидали отъ прирожденной насильственности истинныхъ представителей германскаго племени. Хорошо однако же прогрессъ въ теченіе 56 лѣтъ, прошедшихъ между настоящимъ и предшествовавшимъ ему вторженіемъ иноземцевъ во Францію, съ 1814 по 1870 годъ! Но тогда во главѣ вторгнувшагося ополченія стояла варварская Россія, отмщавшая за пожаръ Москвы, за взрывъ Кремля; теперь же высокоцивилизованной Пруссіи развязаны руки, никто не мѣшаетъ ей взрывать Іенскій мостъ.

Съ другой стороны, также неосновательно обвинять Францію, или даже одного Наполеона, за начало настоящей войны, видѣть въ нихъ безпричинныхъ нарушителей европейскаго мира. Никто добровольно не отказывается въ политикѣ отъ высоты занимаемаго имъ положенія. Не совершенно ли понятно, что Франція должна была стараться воспрепятствовать не только объединенію на ея восточной границѣ 38-милліонной Германской Имперіи, но еще распространенію ея вліянія на Пиренейскій полуостровъ? Не подобное ли дѣйствіе Людовика XIV возбудило нѣкогда тринадцатилѣтнюю войну за испанское наслѣдство, восхваляемую всѣми историками за восстановленіе ею нарушеннаго Франціею политическаго равновѣсія? Конечно, родственныя и династическія связи между монархами не имѣютъ теперь такого значенія, какъ за полтораста лѣтъ тому назадъ. Но вліянія этого все-таки нельзя отрицать, все еще оно довольно значительно, особливо въ началѣ царствованія новой династіи, пока она не усвоитъ себѣ вполне характера и интересовъ той народности, во главѣ которой поставлена, пока не утратитъ, съ теченіемъ времени, своихъ прежнихъ семейныхъ и національныхъ преданій и пристрастій. Хотя личная политика государей имѣла въ Англіи ограниченный кругъ дѣятельности, по самому государственному устройству ея съ самаго 1689 года — не придавали ли, въ теченіе долгаго времени, особой окраски внѣшней политикѣ ея—Голландское происхожденіе Вильгельма III,

и Ганноверское—Георговъ? — Что европейскіе политики вовсе не равнодушны до сихъ поръ къ происхожденію кандидатовъ на вновь открывающіеся вакантные троны, служить доказательствомъ недавнее избраніе англійскаго принца въ короли Греціи. И такъ, Франція, начиная войну съ Германіей, была права съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія, которое есть одинъ изъ жизненныхъ принциповъ европейской (Романо-Германской) системы государствъ, какъ мы доказывали это на своемъ мѣстѣ (см. „Заря“ 1869 г. сентябрь, стр. 46—49). \*) Германія, принуждая Францію объявить ей эту войну, была права съ точки зрѣнія интересовъ ея національности.

Но довольно о внутренней безотносительной политической правотѣ борющихся въ настоящее время соперниковъ. Перейдемъ къ гораздо болѣе для насъ интересному вопросу о вліяніи этой борьбы на наши русскіе и на нераздѣлимые отъ нихъ славянскіе интересы. И въ этомъ отношеніи, мы не можемъ согласиться съ мнѣніями, высказываемыми самыми вліятельными органами нашей печати. Одни видятъ въ успѣхахъ Пруссіи и въ униженіи Франціи предметъ непосредственнаго для насъ торжества, какъ въ отмщеніи за Севастопольскую невзгоду, за нанесенное намъ ею оскорбленіе, такъ и въ вѣроятности болѣе благоприятнаго поворота въ Восточномъ вопросѣ, черезъ содѣйствіе возвеличившейся Пруссіи. Другіе считаютъ усиленіе Германіи величайшею для насъ опасностью, грозящею намъ величайшими бѣдствіями.—Первое мнѣніе просто смѣшно. Крымская война, много повредившая нашимъ интересамъ, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы оскорбить нашу народную гордость, а слѣдовательно и не требуетъ отмщенія съ точки зрѣнія народнаго гонора—вѣдь оборона Севастополя непохожа не только на Седанскую или Мецкую катастрофу, но даже и на пресловутую защиту Страсбурга.

Но если бы даже мы могли чувствовать себя оскорбленными, то мстить за такія оскорбленія предстоитъ только намъ самимъ, а никакъ уже не Пруссіи.

Этотъ способъ возстановленія народной чести оскорбительнѣе самой неудачно и дурно веденной войны. Недоставало еще того, чтобы Пруссія стала нашей покровительницей! Что же касается до болѣе благоприятнаго рѣшенія Восточнаго вопроса при содѣй-

\*) «Россія и Европа», стр. 451—461.

ствіи Пруссіи, мы были того мнѣнія, что Пруссія была единственною возможною для насъ въ этомъ дѣлѣ союзницею, и потому, что она по меньшей мѣрѣ столько же нуждалась въ насъ, сколько мы въ ней, и потому, что никакія воспоминанія, никакіе политическіе предразсудки насъ не раздѣляли. Завѣтныя желанія Пруссіи, перешедшія уже изъ области патріотическихъ мечтаній въ систематически осуществляемый планъ, — не могли быть исполнены безъ нашего допущенія, безъ нашего, пассивнаго по крайней мѣрѣ, содѣйствія; и за это допущеніе, за это содѣйствіе мы могли требовать если не всего, то многого и весьма многого — Пруссія ни передъ какими требованіями бы не отступила. Новѣйшія событія доказали вѣрность нашего взгляда; Пруссія сдѣлалась нашею союзницею въ Восточномъ вопросѣ: вольною или невольною, сознательною, или бессознательною—это въ настоящемъ случаѣ все равно. Но теперь допущеніе это уже сдѣлано и плата за него уплачена — достаточная или недостаточная—это другой вопросъ, на который отвѣтитъ будущее. Объединеніе Германіи совершалось; единственный дѣйствительно заинтересованный въ противодѣйствіи ему противникъ низверженъ. Пруссія, повидимому, уже достигла своего и, закрѣпивъ свои приобрѣтенія блистательнымъ миромъ, сдѣлается совершенно свободно отъ нашего вліянія. Дѣйствіями ея будетъ руководить отнынѣ единственно то, что считается ею сообразнымъ съ ея собственнымъ и обще-нѣмецкимъ интересомъ, безъ всякихъ уступокъ, которыми приходится покупать имѣющіяся въ виду выгоды, какъ въ частной, такъ и въ политической жизни, тѣмъ, кто еще не совсемъ оперился, не сталъ еще твердо на ноги.

Что германскіе интересы противны нашимъ, — объ этомъ распространяться нечего. Исконная борьба Нѣмцевъ съ Славянами, географическое положеніе Чехіи, теченіе Дуная, который Нѣмцы считаютъ, вопреки географіи, исторіи и этнографіи, такъ же точно своею рѣкою, какъ и дѣйствительно нѣмецкій Рейнъ, — служить достаточнымъ тому ручательствомъ. Сочувствіе Англіи увеличивающемуся политическому могуществу Нѣмцевъ составляетъ другою, не менѣе ясный и непреложный признакъ, что и въ собственно такъ называемомъ Восточномъ вопросѣ, въ вопросѣ о Турціи и Константинополѣ, нѣмецкіе интересы вполне противоположны нашимъ.

Вообще, мнѣніе объ опасности для насъ возвышенія Германіи гораздо основательнѣе и серьезнѣе, — и, если принимать Россію за

одинъ изъ членовъ европейской семьи, считать ея интересы солидарными съ общеевропейскими интересами, какъ къ сожалѣнію это всегда дѣлается, то мнѣніе это даже и совершенно, безусловно справедливо. Несправедливымъ остается только самъ этотъ коренной взглядъ, лежащій въ основаніи почти всѣхъ сужденій о политической роли и судьбѣ Россіи. Опроверженію его, какъ съ общей культурно-исторической, такъ и съ спеціально-политической точки зрѣнія, посвятили мы всю нашу книгу, озаглавленную «Россія и Европа», и потому напомнимъ теперь только вкратцѣ развитое тамъ въ подробности.

Если бы мы могли на неопредѣленное время продолжать мирное жительство съ европейскими государствами на основаніи въ разное время установившихся трактатовъ, какъ одинъ изъ членовъ европейской семьи народовъ, устраняя, при постоянномъ миролюбіи, то своевременную уступчивостію и непритязательностію, то твердостію политики, могущія отъ времени до времени возникать „прискорбныя недоразумѣнія“, какъ выражаются на языкѣ дипломатіи, что, конечно, было бы возможно при общности дѣйствительно существенныхъ интересовъ: тогда, конечно, возникновеніе могущественнаго и вмѣстѣ честолюбиваго государства у нашихъ границъ должно бы почитаться обстоятельствомъ вполнѣ неблагоприятнымъ, могущимъ нарушить идиллическій токъ нашей исторіи. Но къ сожалѣнію, или къ счастью, это не такъ. Противуположность нашихъ существеннѣйшихъ интересовъ съ интересами европейскими — самая положительная, самая коренная, ничѣмъ не устранимая. Мы — представители Славянства, и въ качествѣ таковыхъ должны содѣйствовать его политическому освобожденію изъ-подъ нѣмецкаго, изъ-подъ мадьярскаго и изъ-подъ турецкаго гнета и, затѣмъ, его политическому объединенію, дабы доставить тѣмъ и себѣ и ему достаточную силу сопротивленія противъ всякихъ грядущихъ политическихъ невзгодъ. Такова наша историческая роль, и если бы даже мы сами ея не поняли, или не хотѣли понять, другіе понимаютъ за насъ, и постараются, при всякомъ удобномъ случаѣ, вредить намъ, чтобы препятствовать исполненію этой нашей исторической задачи. — Всѣхъ бдительнѣе въ этомъ отношеніи Англія, которая, кромѣ общеевропейскихъ, имѣетъ свои особыя причины опасаться насъ въ Азіи. Благодаря своему политическому искусству и особенностямъ своего островнаго положенія, она издавна уже руководитъ общимъ ходомъ европейской поли-

тики. Вспомнимъ войны противъ Людовика XIV и XV, противъ республики и первой Имперіи, Восточную войну, последнее польское возстаніе... Да что приводить частные примѣры—можно сказать, что съ конца XVII столѣтія не было въ Европѣ политическаго событія, которое въ концѣ концовъ не разрѣшалось бы сообразно видамъ и интересамъ Англіи, причеиъ орудіями ея служили попереиънно то одно, то другое континентальное государство, то нѣсколько вмѣстѣ. — До низверженія Наполеона I цѣлью Англіи было ослабленіе и униженіе Франціи, съ 1815 же года, или по крайней мѣрѣ съ начала двадцатыхъ годовъ,—мѣсто Франціи заняла Россія. Зная проициательность Англіи и упорство ея въ достиженіи своихъ цѣлей, можно ручаться, что ею не упустятся случаи вредить Россіи и, при представившейся возможности, возбуждать противъ нея Европу,—а такіе случаи, или предлоги, доставятъ всегда въ изобилии и Турція, и Греція, и Сербія, и Румынскія Княжества, и Чехія, и Польша, и пожалуй даже Остзейскія провинціи. Надо только, чтобы что-нибудь ближайшее, насущнѣйшее не занимало собою Европы.

Вотъ почему мѣ думаемъ, что: 1) борьба съ Европой во всякомъ случаѣ неизбежна, что 2) всякое нарушеніе политическаго равновѣсія въ Европѣ выгодно для Россіи.

Положенія эти были подробно доказаны въ своемъ мѣстѣ; теперь намъ надо только рассмотретьъ, какъ и въ чемъ видоизмѣняются они возвышеніемъ Пруссіи и униженіемъ Франціи.

Прежде и главнѣе всего, думаемъ мы, сложныя, запутанныя отношенія между Европой и Россіей этимъ упрощаются; — отдергается еще одно покрывало, снимается еще одна маска; истинныя отношенія разъясняются; настоящіе враги становятся лицомъ къ лицу; политическіе предразсудки и предубѣжденія окончательно разсѣваются силою событій, подобно тому, напримѣръ, какъ марево Священнаго союза разсѣялось во время Восточной войны. Объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи мы говорили („Заря“ 1869 г. окт. 71—74\*).

„Между Россіей и Франціей стоитъ цѣлый рядъ предразсудковъ, уже издавна препятствующихъ имъ сблизиться. Со стороны Франціи это предразсудокъ польскій и католическій, со стороны Россіи предразсудокъ нѣмцелюбія и легитимизма, или ненавидѣнія революціи. Рядъ напрасныхъ столбовоеній, натянутыхъ, недружелюбныхъ

\*) «Россія и Европа», стр. 493—496.